

проект

«СКОЛКОВО. ХРОНОТУРИЗМ»

ЗОЛОТО БАРБАРОССЫ

Сколково. Хронотуризм

Владислав Жеребьёв

**Проект «Сколково. Хронотуризм».
Золото Барбароссы**

«Крылов»

2012

Жеребьев В. Ю.

Проект «Сколково. Хронотуризм». Золото Барбароссы /
В. Ю. Жеребьев — «Крылов», 2012 — (Сколково. Хронотуризм)

Тысячи золотых монет, сотни золотых слитков и великое множество драгоценных камней, – всем этим единолично владел Фридрих Барбаросса, казначей Третьего крестового похода. Барбаросса погиб и унес с собой в могилу тайну сокровищ крестоносцев... Наше время. В руки двух российских друзей-авантюристов попадает рукопись епископа Мориса де Сули. Ее удастся расшифровать. Из рукописи становится ясно, что карта, на которой указано местонахождение сокровищ, заложена в фундамент собора Нотр-Дам-де-Пари во время его постройки. Карта и по сей должна быть там. Год и день закладки карты в фундамент известны. Остается найти тот самый заветный камень, за которым спрятана карта. Но как его найдешь, не станешь же разбирать Нотр-Дам-де-Пари... Однако есть фирма «Сколково. Хронотуризм». С ее помощью можно отправиться в нужный день и подсмотреть, как прячут карту и куда именно ее прячут. А затем, вернувшись в наше время, достать из тайника. Только уж больно дорого стоят сколковские туры в прошлое. Экстремалы и блоггеры Алексей и Дмитрий идут ва-банк – продают все, что у них есть: бизнес, квартиры, дачи, автомобили. Пан или пропал. Или грудь в крестах, или голова останется в двенадцатом веке...

© Жеребьев В. Ю., 2012

© Крылов, 2012

Владислав Жеребьев

Проект «Сколково. Хронотуризм».

Золото Барбароссы

В маленьком отеле в самом сердце Парижа, в двухместном номере на третьем этаже спали двое. Сон первого, высокого блондина с начинающей появляться сединой на висках, был неспокоен. Он метался в кровати, стонал и что-то быстро и взволнованно бормотал. В другом конце комнаты, на таком же матрасе, спал второй, широкоплечий сухой брюнет с татуировкой на предплечье. Маленький китайский дракон плотными кольцами обвивал руку, как будто оберегал сон своего хозяина. Брюнет спал спокойно, безмятежно, по-детски разбросав руки и отвернув лицо к стене, отчего его фигура походила на тряпичную куклу.

Журнальный столик около полуоткрытого окна был завален картами, документами и чертежами. На экране маленького лэптопа мерцала картинка с изображением высокого статного мужчины средних лет. Рыжая борода, гордый профиль и богато расшитый камзол незнакомца были переданы неизвестным художником с удивительной точностью. Если присмотреться, то каждая пуговица, каждая складка вычурного старинного воротника, каждая морщина на лице далекого и давно умершего человека были выписаны настолько скрупулезно, что можно было засомневаться, уж не фотография ли это. Нет, конечно, это была не фотография. Портативный компьютер показывал портрет реальной исторической личности, Фридриха Первого Барбароссы. Девятнадцатого короля Германии.

Чем же был примечателен этот человек? Да хотя бы тем, что в конце двенадцатого века, Барбаросса являлся официальным казначеем Третьего крестового похода. Тысячи золотых монет прошло через его руки. Сотни золотых слитков и великое множество драгоценных камней, собранных для святого воинства, чтобы помочь отбить Землю Господню у варвара и мятежника Саладина.

В тысяча сто восемьдесят девятом году от Рождества Христова Барбаросса вместе со своими верными союзниками, французским королем Филиппом Вторым, австрийским герцогом Леопольдом Пятым и их легендарным собратом английским королем Ричардом Львиное Сердце, двинулся в долгий, изматывающий и кровопролитный поход, продлившийся почти три года.

Через год после начала похода, девятого июня тысяча сто девяностого года, при форсировании горной реки Фалехф Фридрих утонул, унеся с собой в могилу тайну. Тайну эту, кроме него, знали еще два человека. Один из них, святейший Папа Александр Третий, скончался за девять лет до гибели Барбароссы. Третий посвященный, парижский епископ Морис де Сули, почил в монастыре Сан-Виктор, в середине сентября тысяча сто девяносто шестого года.

Подробности дела, связавшего этих троих, способны были взбудоражить даже самые спокойные умы. А вот умы, что спали сейчас в маленьком номере гостиницы в самом сердце Парижа, спокойными себя назвать не могли. Авантюризм был их образом жизни. Бесшабашная смелость, тяга к приключениям и склонность к интригам заставила двух друзей расстаться с будничной серой жизнью, которой жили они долгие годы.

– Дима! Димка, просыпайся. Весь день проспим. – Встав перед кроватью на одно колено, блондин тряс приятеля за плечо. – Вставай, говорю, нам еще на Бир Хейкем ехать, а я в их местном метро даже по схеме ни черта не ориентируюсь.

Брюнет нехотя приоткрыл один глаз и с сомнением уставился на приятеля.

– Выучил язык, выучишь и метро, – поморщился он и попытался перевернуться на другой бок. – Что в такую рань вставать? На часах семи еще нет.

– Нет, вставай, – ухватившись руками за край одеяла, Солодов принялся стаскивать его с кровати. – Дел по горло, – сетовал он, не обращая на недовольные возражения напарника. – Пробить площадки, упаковать парашюты, свериться с графиком проезда патрульных автомобилей и узнать, какая смена охраны сегодня на башне. Если там Поль, то пиши пропало, о парашютах можно забыть.

– А если Жак, то значит, проскочим? – лишившись одеяла, Прокопенко, окончательно смирившись со своей участью, сел.

– Может, кофе? – смилостивился блондин и, подхватив кофейник, унесся в коридор.

Парочка, живущая в отеле, была никем иным, как двумя российскими туристами – экстремалами, знаменитыми блоггерами, чья слава гремела на бескрайних просторах рунета, Алексеем Солодовым и Дмитрием Прокопенко.

Боевой путь старых знакомых начался еще со школьной скамьи, больше двадцати лет назад. В ту пору семья Прокопенко, Петр и Мария, с двенадцатилетним сыном Димой, вернулась из Индии, где жила последние пять лет, работая на строительстве атомной станции. И так уж получилось, что пути двенадцатилетнего Димы Прокопенко пересеклись с лидером школьной группировки малолетних бузотеров, Лехой Солодовым, сыном пластического хирурга.

При первой встрече Дима и Леша друг другу абсолютно не понравились. Хмурый и сутулый brunet, вечно с книжкой в руках, избегал шумных компаний и начисто игнорировал общественные мероприятия, будь то школьные посиделки и чаепития, или районные соревнования, на которых обычно собиралась вся средняя сто двенадцатая гимназия.

Леша же Солодов, наоборот, был яркой и деятельной личностью и обладал всеми чертами среднестатистического лоботряса. Если в школьной рекреации разбивалось окно, обычно искали блондина. Если на стенах девичьего туалета вдруг появлялись замысловатые бранные слова, опять же был виноват Солодов. Конечно, в школе хватало хулиганов и без этого двенадцатилетнего подростка, но та виртуозность и безнаказанность, которые сопровождали все авантюры Алексея, подарила ему славу одного из самых отпетых хулиганов, когда-либо обучавшихся в этом учебном заведении.

Впоследствии, ближе к старшим классам, две противоположности все-таки пересеклись в одной общей идее и повальном увлечении. Оба они просто болели экстремальными видами спорта. Прыжки с парашютом, серфинг, альпинизм и стремительно набиравший обороты в те годы паркур захватили умы юных школьников и, затащив в свои хитро расставленные сети, оставили пленниками навсегда.

Именно тогда лидеру футбольной команды Солодову случилось внимательно присмотреться к своему будущему единомышленнику Прокопенко. Он разглядел в нем не простого ботаника, днями и ночами протирающего штаны за стопками книг и газетных вырезок, перед ним вдруг, в один миг, предстал всесторонне развитый и начитанный юноша, человек привыкший думать, рассуждать, планировать и получать от этого кайф. Тот, кого впоследствии смогут назвать мозгом всего предприятия, ну, или скажем, идейным вдохновителем проекта. Человек-смекалка, существо креативное и дерзко мыслящее. Скромный по натуре, но обидчивый и непреклонный, Дмитрий в какой-то момент решил пресечь любые попытки насмешек над собой и стал ходить в тренажерный зал, ну, а там, возле объявления о наборе в школу альпинизма, нос к носу столкнулся со своим старым светловолосым недругом.

Непримиримая парочка долго сверлила друг друга взглядами. Леша с удивлением осмотрел крепкую, вдруг раздавшуюся в плечах фигуру местного заучки и невольно проникся уважением к этому маленькому и тихому человеку.

– Давно тут? – поинтересовался он у Прокопенко, перекидывая мокрое полотенце через плечо.

– Второй год, – смущенно признался тот.

– И уже так? – Леха с восторгом рассматривал пласты грудных мышц и отчетливо видные кубики пресса на ничем не прикрытом торсе одноклассника.

– Уже, – еще сильнее смутился Дима. – Есть такая система, на базе йоги. Если хочешь, покажу.

– А то. Я уже пять лет в качалку хожу, протеины ем пачками, даже колол пару недель. – Леха повернулся, показывая жилистое стройное тело, – но вот массы как не было, так и нет.

Именно с этого момента и начался новый этап их отношений.

От старых приятелей Солодов, разумеется, не отказался. Банда футболистов, в компании которых он проводил большую часть свободного от занятий, тренировок и личных увлечений, времени, искренне недоумевала, зачем их капитан водит дружбу с этим странным парнем. На резонные вопросы одноклубников Леха только отшучивался.

– Ума у него буду набираться, – пояснял он с улыбкой. – Димка – парень голова. Мало того, что ботан, так еще и в качалку ходит. Банки – во!

– Иди ты, – удивлялись спортсмены и недоверчиво качали головами, а Леха смеялся и балагурил, бегал за девчонками и планировал новую удивительную по мастерству исполнения и задумке каверзу. Он был на вершине этого мира – мира старших классов. Беззаботного и бесшабашного, еще не знающего всей мерзости и злости мира взрослых, ведь им было всего по шестнадцать лет, и они не думали ни о чем кроме развлечений.

Единственно правильным кофе Дмитрий считал только тот, что готовил у себя дома. Принесенная в стеклянном кофейнике черная бурда, по традиции всех отелей единожды сваренная, а после разогреваемая на электрической плитке, гордым именем кофе именоваться не могла. Напиток должен быть свежим и ароматным, а не этим непонятным трижды разведенным пойлом, которое он сейчас держал в руках.

– Гадость, – согласился Леха, – но, за неимением лучшего, только это. Потом сходим позавтракать и возьмем что-нибудь поприветней, а пока хлебай.

Дима тяжело вздохнул и, отхлебнув из своей кружки, вновь сморщился.

– Пора.

– Парашюты где?

– Там, где и были, в камере хранения на вокзале.

– Тогда ладно, тогда хорошо. В Пекине мы именно на том и погорели, что с парашютными сумками через весь город поперлись. Помнишь?

– Помню, – рассмеялся Леха, приканчивая свою порцию и отставляя большую глиняную кружку с отбитой ручкой на столик. – Та еще была потеха. Никогда не думал, что камеры предварительного задержания могут быть такими комфортными.

– А мне тот комфорт до лампочки. – Спрыгнув с кровати, Дмитрий прошлепал босыми ногами к душе и, закрывшись там, включил воду. – Сейчас приду в себя, – голова Прокопенко появилась в просвете между дверью и косяком – и двинем в кафе, а ты еще раз посмотри дело по крестносам. Деньги-то скоро закончатся.

– А смысл? – пожал плечами Леха, но все же присел около журнального столика и развернул к себе ноутбук. – Столько лет прошло. Как ты, в самом деле, концы искать будешь?

– На Карибах тоже смысла не было, – послышался голос из ванной, – однако пять штук евро, фрахт лодки и дайверского снаряжения принесли сто пятьдесят кусков зелени только на золотых слитках.

– Удача, – легкомысленно отмахнулся Солодов. – Везение, да и только...

– ... плюс три месяца кропотливой работы и долгих командировок, и тонны бумаги, перелопаченные долгими бессонными ночами, – возразил приятель из душевой кабины, намыливая голову. – Не умеешь ты между строк читать, Леха. Как встретил тебя, так и мучаюсь с твоим наплевательством ко всему и легкомысленным подходом. Епископ парижский, как и

сам Барбаросса, имели непосредственное отношение к королевской казне, а также к денежкам, заложенным в финансирование похода. Что-то из них, судя по имеющимся материалам, было освоено, но большая часть бесследно исчезла. Гора денег, Леха. Золото и драгоценные камни в таком количестве, что на пару «Камазов» хватит, да еще останется.

– Ну и что? – не сдавался упрямый Солодов. – Это же дремучие времена были. Сколько раз Европа строилась и перестраивалась за века? А дороги, предприятия, мосты и тоннели? Представь, какие площади перекопаны были. Почти наверняка деньги кто-нибудь нашел и пустил в дело.

– Э, не скажи. – Выскочив из ванной в одном полотенце на бедрах, Дима кинулся к кровати и, стуча зубами, залез под одеяло. – То-то и оно, что денежки были прощелканы. Епископ, король и Папа имели на эти финансы особые виды. Деньги, которые оставались в резерве, планировалось потратить на выкуп пленных рыцарей, компенсацию семьям погибших крестоносцев и прочую лирическую ерунду, тому времени несвойственную. Спрятаны они наверняка в таких местах, что не очень-то под снос пустишь. Церкви, монастыри, замки, пещеры, в конце концов.

В одной из латинских проповедей Мориса де Сули вскользь упоминается о некоем сокровище, «что сохранено от жадных рук и черных душ, дабы только истинно верующий, а именно, последователь римской католической церкви смог найти и распорядиться ими во благо». Сечешь?

– Секу, – усмехнулся Леха, щелкая по клавишам ноутбука. – Только все равно не понимаю, к чему ты ведешь.

– Да к тому, дурья твоя голова, – Прокопенко скинул с себя одеяло и начал натягивать джинсы. – О деньгах давно забыли, махнули на них рукой. Про эту историю с казной, может, и не вспомнили бы, если бы один профессор истории не принял за диссертацию и всеми правдами и неправдами не пробрался в монастырскую библиотеку.

Именно там он и нашел любопытный документ, своего рода завещание, в котором епископ описывал последние несколько лет своей жизни.

– А в завещании карта острова сокровищ, – подколот разметавшегося приятеля Солодов.

– Ну, почти, – не обращая внимания на иронию Алексея, Дмитрий, наконец, справился с джинсами и свитером и принялся шнуровать ботинки. – Там факты, имена и даты, а самое главное – один примечательный момент. До сих пор идет спор в научных кругах, кто закладывал первый камень в фундамент Нотр-Дам-де-Пари – Морис де Сули или же святейший Папа Александр Третий.

С другой стороны, есть установленный факт, что епископ и Людовик Седьмой встречались с Фридрихом Первым в местечке под названием Сен-Жан-де-Лоень не более чем за год до начала культового строительства. Шутка ли, Фридрих и Александр! Известно, что эти парни чуть ли не глотку друг другу готовы были перегрызть. У них были нешуточные разногласия. Оба друг друга в земле видеть хотели, потому что не сходились во мнении, кому из них туда первым отправляться.

– Я тебя побью, – Солодов захлопнул крышку ноутбука и, насупившись, погрозил кулаком приятелю.

– Все, все, – замахал Дмитрий руками. – Чтобы тебе все стало ясно как божий день, уберу все прелюдии. Есть три исторических личности конца двенадцатого века. Есть гора денег, которые они припрятали. Нет только места, вернее, указания на место, где хранятся сокровища. В одной из статей в Живом Журнале некий профессор Сорбонны, Жан Куапель, засев за очередной труд по истории древней Франции, посвященный, кстати, этому самому Морису де Сули, находит чудом сохранившийся свиток.

Текст там, разумеется, на старофранцузском и требует расшифровки. Куапель уходит с головой в работу, не забывая обновлять страничку. И вот ко мне в руки попадает некий факт, покрытый пылью времен. Оказывается, в тысяча сто шестьдесят третьем году, в Париже, в восточной части острова Сите состоялась встреча, в которой участвовали трое: епископ Парижа, действующий Папа и германский король. Встреча происходила в режиме строжайшей секретности, каждый прибыл туда с личной охраной и, разумеется, инкогнито, что для таких видных политиков и религиозных деятелей крайне сложно. Что им было надо около фундамента собора, судить не берусь, но пробыли они там ровно столько, сколько потребовалось бы, чтобы хорошо спрятать некий предмет.

– Карту острова сокровищ? – вновь, но уже без иронии в голосе, поинтересовался Солодов.

– Карту, метку, витраж, да что угодно. История об этом умалчивает.

– То есть, ты думаешь, что в соборе спрятаны указания на деньги крестоносцев и часть французской казны?

– Ну, наконец-то! Это же шанс, Леха. Уникальная возможность навсегда забыть о финансовых проблемах и заниматься только собственными проектами. Понимаешь?

– Понимаю. Только, чтобы найти этот свиток, придется разобрать собор на части. Местные власти, думаю, этого не одобряют.

– Да нам и не надо его разбирать, – вдруг перешел на шепот Прокопенко, делая большие глаза. – Нам только нужно знать время, когда была произведена закладка. За время, кстати, придется заплатить этому профессору пять тысяч евро, но вложения должны окупиться.

– И чем же нам поможет время?

Прокопенко и Солодов некоторое время мерили друг друга осуждающими взглядами. Алексей думал, что его приятель окончательно рехнулся, а в глазах Дмитрия уровень интеллекта друга рушился со скоростью снежной лавины.

– Сколково «Хронотуризм», – наконец сдался Дмитрий и, засунув руку в стоящий рядом рюкзак, извлек из него толстую цветастую брошюру. – Дорогостоящее развлечение для богатеньких Буратин. Наше ноу-хау, кстати, а главное, монополия. Яйцеголовые уже испытали установку и готовы послать тебя хоть в Эдем, хоть в Ледниковый период. Главное – купюры листай.

– Ну-ка, ну-ка. – Алексей отобрал у приятеля брошюру и принялся с интересом изучать иллюстрации. – Слышал я что-то краем уха, но, так как ящик не смотрю последние пять лет, грешным делом думал, что это реклама фильма или акция какая-то по продвижению нового торгового бренда.

– Зря думал, – гордый произведенным впечатлением, Дмитрий важно подбоченился. – Платим денежки, рвем в прошлое, смотрим в бинокль на нужный кирпич, а потом в настоящем, под покровом ночи, выковыриваем его и достаем золотой билетик в лучшую жизнь.

Не обращая внимания на приподнятое настроение друга, Солодов углубился в изучение рекламной брошюры. Пролистывая страницы, пропуская красивые графики и картины, он пытался вычленивать подвох и, наконец, вздохнув, отложил брошюру в сторону.

– Есть один спорный момент, Дима. Денежек это может выманить массу, а у нас их, как уже было сказано, кот наплакал.

– Продадим квартиру.

– Чью?

– Да хоть бы твою. Она у тебя в центре, стоит немало, а там еще антураж, экипировка...

– А где же я жить буду? – охнул от столь неожиданного предложения Алексей.

– У меня, – пожал плечами Прокопенко, – а не хочешь вместе, можешь переехать на время к своей сестре в область. Дел-то на копейку! Прокрутим авантюру, сто таких квартир себе купишь.

Солодов в задумчивости поскреб подбородок.

– Слушай, Дим, давай пока с продажей недвижимости подождем. Слить мою берлогу дело нехитрое. Ты вот лучше скажи мне, раз такой умный: если ты дошел до всего этого, то почему бы другим умным головам не прийти к точно такому же выводу?

– В этом ты прав, – настроение Дмитрия мгновенно испортилось. – Могут и прийти, но, слава богу, процент подобного крайне мал. В первую очередь следует учитывать интерес stalkера к подобного рода изысканиям. Во вторую – берем в расчет интерес к конкретной теме, а в-третьих, делам упор на скорость. Чем быстрее мы займемся этим делом, тем лучше для нас.

– Третий и заключительный вопрос, – улыбнулся Алексей, скрестив в руки на груди. – С чего ты вообще взял, что там, в тайнике, есть указания? Может, они туда послание к далеким потомкам закладывали или какую-нибудь благодетельную иконку?

– Завешание епископа, – напомнил Дмитрий. – Как только я увидел информацию и понял, о чем идет речь, я тут же связался с профессором и за сумму в пять тысяч евро предложил углубиться в историю. Он потом, в ходе телефонного разговора, и сообщил мне некоторые подробности, позволившие предположить, что я на верном пути.

– То есть, вероятность того, что денюжки будут потрачены зря, имеется?

– Куда уж без этого, – хитро улыбнулся Прокопенко. – Ну что, двинули?

– Завтракать?

– Конечно. Перекусим, а заодно и с месье Куапелем пообщаемся. Совместим приятное с полезным.

Местечко Сен-Жоли в одном из предместий Парижа было не на шутку взбудоражено внезапным приездом важных гостей. Кто были эти люди, чье инкогнито ревностно оберегала охрана, пресекая любую попытку подсматривать за троицей, сидевшей за большим столом пустого трактира, сказать было сложно.

– Папа, Папа приехал, – в благоговейном ужасе шептали одни.

– Нет, тут сам король, – вторили другие, искоса поглядывая на рослых плечистых воинов, возвышающихся у входа в здание.

Владелец питейного заведения Люк, крупный светловолосый малый с неправильными чертами лица и солидным пивным брюшком, проснулся по привычке с первыми петухами. Быстро надев штаны и затребовав у мальчишки Джерома кувшин чистой воды, он перелил его в большую деревянную бадью и принялся умываться, фыркая и отплевываясь от наслаждения. Закончить водные процедуры ему не дали. Тот же Джером, костлявый юнец с жидкими волосами и бледными глазами, вновь появился на пороге комнаты хозяина и, смущаясь и заикаясь, попытался что-то пояснить.

– Что тебе надо? – Люк отвлекся от своего упоительного занятия и с неодобрением уставился на парня.

– Там, там, месье Люк, важные люди. С ними сам епископ парижский де Сули, и он требует вас вниз.

– Епископ, говоришь, – недоверчиво нахмурился трактирщик. – Ну, ты иди пока, дай гостям вина, чай, жажда с дороги мучает.

– А что же вы, месье Люк?

– Сейчас спущусь. Передай, что только штаны надену и сразу к дорогим гостям.

Проводив тонкую сутулую фигуру юнца тяжелым взглядом, Люк принялся тщательно вытирать лицо куском чистой тряпицы.

В то, что в его пропахшую потом и вином забежаловку вдруг пожаловала столь важная птица, верилось с трудом. Скорее всего, заскочил кто-то из местной знати и видом горделивым и наглым испугал парня, из-за чего тот и подумал бог весть что. Впрочем, пренебрегать гостем Люк не стал.

Отбросив тряпицу в сторону, он достал из стоящего у кровати сундука чистую рубаху и широкий кожаный пояс с заклепками. Облечившись, он, наконец, добрался до тувель и вскоре, покинув комнату, застучал каблуками по узкой винтовой лестнице, ведущей в общий зал. То, что в следующую секунду открылось взору, поразило его до глубины души.

За большим, грубо сколоченным деревянным столом около камина действительно сидел сам Морис де Сюлли, предпочтя церковному облачению простой камзол и дорожный плащ. Вокруг него, скучая, у окон и дверей расположились не менее колоритные персонажи. Сухие, злые черты лица, у многих из присутствующих – шрамы. Все, без исключения, облаченные в черные кожаные плащи, они недобро поглядывали на спускавшегося вниз хозяина. Под прицелом такого количества глаз Люк почувствовал себя нехорошо и в ту же секунду осознал, сколь хрупка и тонка линия его жизни. Шестеро наемных убийц небезызвестной гильдии Парижа, шесть лучших солдат удачи берегли парижского епископа.

Оторвав взгляд от пляшущих в камине языков пламени, де Сюлли окинул Люка придирчивым взглядом.

– Вы, милейший, и есть хозяин заведения?

– О да, ваше преосвященство! – Люк, подбежав к сидящему, встал на одно колено и поцеловал перстень. – Чем я обязан столь радостному для меня событию?

Брезгливо убрав руку, епископ печально осмотрел зал.

– Мне нужно арендовать твой кабак, скажем, на день. Мои люди, – кивок в сторону кожаных плащей, – уверяют, что это идеальное место для частных встреч. Верно ли они говорят?

– Верно, Ваше Преосвященство, – подобострастно закивал трактирщик. – Деревенька у нас тихая. От проезжих дорог мы далеко.

– Тогда слушай и запоминай. Сегодня, в течение дня, в ваше местечко придут два, ну, так скажем, моих очень хороших друга. Ты накроешь на стол, поставишь лучшие напитки, а когда все разъедутся, будешь держать язык за зубами. Ливров тебе за это отсыпят ровно столько, сколько ты вешишь.

– О да, ваше преосвященство! – глаза трактирщика полыхнули алчным огнем. – Клянусь сердцем собственной матушки, обо всем, что будет происходить у меня сегодня, никто никогда не узнает.

Утренний Париж пах свежeweмытым асфальтом. Юркие поливальные машины сновали между рядами клумб и деревьев, прилежно орошая городскую зелень, сбивая с нее вчерашнюю пыль и автомобильную копоть.

– Свежо. – Дмитрий застегнул парку, поднял воротник и кивнул в сторону подземного перехода: – Сейчас в центр, там как раз уже начнут открываться кафе.

– Еще один центр, – в ужасе покачал головой Леха, по примеру приятеля поднимая воротник куртки. – А мы сейчас где?

– Мы в деловом, а нам надо в исторический, – улыбнулся Прокопенко, перескочил через лужу и заторопился вниз по ступенькам.

Купив билеты и пройдя на платформу, друзья вновь пустились в спор по поводу планируемого мероприятия.

– Твой источник, ну профессор, он надежный человек? – пропустив Дмитрия в открывшиеся двери вагона, Алексей устремился за ним и, плюхнувшись на сиденье, закинул ногу на ногу.

– Надежный, – похлопав себя по карманам, Дмитрий вытащил втрое сложенный тетрадный лист в крупную синюю клетку и сунул его под нос приятеля. – Вот, смотри, я навел о нем справки. Месье Куапель является действующим деканом факультета истории в Пантеоне уже семь лет. Имеет ряд наград и несколько научных работ по итало-романской и гало-романской языковой подгруппе. Виртуозно знает латинский, нормандский, или, если говорить более

точно, ту группу языков, на смеси которых говорила Франция конца двенадцатого века. Его, собственно, и в хранилище-то пустили исключительно благодаря его регалиям.

– Ай-яй-яй, уважаемый профессор, – блондин усмехнулся и покачал головой. – Найти уникальный документ и вместо того чтобы придать его огласке всему культурному сообществу, продать двум русским авантюристам за тридцать серебряников.

– Не надо выдергивать слова из контекста, – обиделся брюнет. – Этот ученый муж далеко не дурак. Человек тонкой организации и острого ума, и ему, если твой болтливый язык развяжется, ничего не стоит понять, на кой ляд мы интересуемся завещанием епископа. Слава о безумных похождениях хронотуристов достигла всех континентов, вот-вот должен открыться офис компании в Париже, и ему самому ничего не стоит подкопить денег и лично посмотреть на эту занимательную троицу.

– Так это еще надо знать, на что смотреть, – расплылся в улыбке Солодов. – Идея стибрить карту не так нова, как тебе кажется. Подход, конечно, нетривиален, да и вложений требует. Нет, Димка, чует мое сердце, есть во всем этом какой-то подвох. Уж очень все просто выходит. Мы, значит, даем Куапелю на лапу, а он нам – точную дату. Потом мы вприпрыжку в Москву, ищем денег на путевку и катим в прошлое...

– ... где узнаем точное место закладки. Больше ничего не требуется. Собор не банк, повторюсь, ночью не охраняется. Сторожа, конечно, есть, но нам-то не алтарь выносить.

– Знаешь, – нахмурился Солодов, – весь этот горячий золотой бред затмил основную идею нашего путешествия в Париж.

– И какую же? – насторожился Прокопенко.

– Прыжок с парашютом со смотровой площадки Эйфелевой башни.

– Тише, дурак, – Дмитрий сделал большие глаза и показал блондину кулак. – Совсем с ума соскочил. Если какой-нибудь добропорядочный гражданин узнает о нашей затее, тюрьмы не миновать.

– Били, бьем и будем бить французов, – горделиво приосанился Алексей. – Да ты, Димка, не бери в голову. Встретимся с профессурой, потом на башню. Дел-то на копейку.

Вопреки ожиданиям Алексея, профессор Куапель оказался крепким розовощеким малым средних лет. Красная ветровка, лежавшая на стуле и спортивные кеды на ногах в корне изменили представление Солодова о французских ученых мужах, а наушники, из которых доносилась современная электронная музыка, вообще обрушили миф, оставив прах и развалины.

– Профессор! – увидев сидящего за столиком Жана, Дмитрий помахал ему рукой и, схватив приятеля под локоть, потащил за собой. – Вы уже здесь, какая пунктуальность!

– Вежливость королей, – в тон ему подтвердил Куапель, указывая на свободные стулья. – Но и мои русские друзья пришли вовремя!

– Сразу к делу, – вынув из внутреннего кармана пухлый белый конверт, Прокопенко положил его на стол. – Это задаток. Сначала мы должны взглянуть на материал, убедиться в его подлинности.

– Проще простого, – усмехнулся профессор и, ловко подхватив конверт с наличностью, сунул его под лежавшую рядом ветровку. – Материалы я вам дам, мне их не жалко. Все листы завещания епископа отсканированы и переведены в цифру.

– А перевод? – любопытствовал Алексей. – Древний французский, наверняка отличается от современного?

– Вы снова правы, мой друг, – засунув руку в карман пиджака, Куапель вытащил маленькую черную флешку и положил её на стол. – На носителе фотографии рукописи, перевод, а также комментарии, мои и моих помощников. Язык документа сложен и витиеват, и подробная его дешифровка займет еще какое-то время. Здесь же лишь наброски и поверхностные

выводы моих аспирантов. Крупницы, говорящие о многом, и одновременно не значащие ничего. Не знаю уж, зачем они вам понадобились.

– Так уж и не знаете? – хитро прищурился Прокопенко. – Мы, простые люди, так же, как и вы, интересуемся историей. Новые документы, новые факты, новые теории. Может, вот сценарий напишем, отправим в Голливуд и выйдем из местных толстосумов немного наличности.

– Как знать, – профессор пожал плечами. – Информация любопытная, интригующая, я бы сказал. Сам факт наличия золотого запаса и его исчезновение объясняет некоторые исторические моменты.

– Ну-ка, ну-ка, профессор, – заинтересованный Дмитрий подвинулся к столу и накрыл флешку широкой ладонью.

– Ну, вот смотрите, – не обращая внимания на действия авантюриста, принялся разъяснять профессор. – Речь в завещании идет о некоем резерве, часть из которого принадлежала казне Франции, а часть – общим сборам крестового похода и «налогу Саладина». Ричард Первый, в ту пору король Англии, при возвращении из Константинополя попадает в плен и проводит там без малого два года. Требуемых денег ни у кого нет, а за голову монарха просят почти двадцать три тысячи тонн серебра. Если бы сокровища не были утеряны, Ричард оказался бы на свободе значительно раньше, но на деле деньги пришлось собирать по всей стране, опустошив казну и карманы простого люда.

– И вы, правда, думаете, что спрятанные ценности были столь велики? – не поверив услышанному, ахнул Солодов.

– Большие деньги, – улыбнулся Куапель, – существенно больше, друзья мои, чем вы можете себе представить. Тот же «Саладинов налог», десятина, собирался по всей территории Франции почти год. Вложения в казну Третьего крестового похода, закончившегося бесславно, шли сразу от нескольких правящих династий и Святого Престола одновременно. Это горы денег, друзья мои, и то, что вы решили их прикарманить, не дает вам право сомневаться в моих словах. Не спорьте, я тоже навел справки, – осадил он собиравшегося возразить Дмитрия. – Не одни вы ведете дела, предварительно проведя разведку боем.

Несколько минут собеседники молча потягивали кофе из маленьких фарфоровых чашек.

– Что вы предлагаете? – сдался Алексей.

– Не предлагаю, а хочу, – профессор из розовощекого рубахи парня на глазах превратился в холодного и расчетливого дельца. – Как вы собираетесь достать свиток, указывающий на сокровища, мне все равно. Достаточно вашего обещания, что ни одной исторической ценности Франции не будет нанесен ущерб. Со своей стороны, я могу гарантировать полный и дословный перевод документа, а также любую посильную помощь в организации мероприятия.

– И финансовую? – оживился Дмитрий, но, прочитав отрицательный ответ в глазах Куапеля, поморщился и замолчал.

– Денег не дам, – усмехнулся собеседник. – Самому нужны, как воздух. Дочка заканчивает школу, жена требует новую шубу, старая, видите ли, вышла из моды, да и налоги, цены, бензин...

– Ваши условия, – после минутного размышления вымолвил Прокопенко.

– Тридцать процентов.

– Да вы с ума сошли! – Солодов вскочил со стула и попытался изобразить бурю эмоций. – Зачем вам столько денег? В конце концов, не вам в пекло лезть.

– Свиток у меня, – напомнил профессор. – Когда расшифровка будет закончена, я могу поделиться результатом с более сговорчивыми партнерами.

– Примерно оценить количество золота можете?

– Вполне. Судя по данным тех времен, резервная часть драгоценных камней и золотых монет оценивается примерно в триста миллионов евро по нынешнему курсу. Цифры, конечно,

не точные, может сыграть фактор исторической ценности, но общая сумма будет примерно такой.

– Тридцать процентов – это же сто миллионов, – пробормотал Алексей. – Сумасшедшая сумма. Я себе такую даже представить не могу.

– Цифры действительно впечатляют. – Одним глотком прикончив остатки кофе, Куапель отставил опустевшую чашку и довольно потер руки. – С меня знания, с вас действия. Ну, как вам такой вариант?

Дмитрий в сомнении закусил губу. Конечно, делиться с наглым профессоршкой решительно не хотелось. С другой стороны, все ключи, все ниточки, способные привести к достатку и благополучию, были у этого везучего сукина сына. Да и потом, Куапель был прав. Являясь экспертом в подобного рода изысканиях, он как нельзя лучше мог передать истинный смысл завещания парижского епископа.

– Вы можете дать нам время на раздумье? – наконец выдал он.

– Двадцать четыре часа, – пожал плечами Куапель. – Ровно двадцать четыре с этого момента. Вот вам мой номер телефона и моя визитная карточка. Как надумаете, дайте мне знать.

Повертев белый прямоугольник в руках, Дмитрий сунул его в карман.

– Хорошо, профессор, мы взвесим все за и против и известим вас о своем решении.

– И еще одно, – Куапель показал хищный оскал идеально ровных, чуть желтоватых зубов. – Гарантии. Вы можете мне их предоставить?

– Какие гарантии, профессор? – Дмитрий удивленно поднял бровь.

– Любые. Вполне подойдет нотариально заверенная бумага о том, что тридцать процентов от любых ваших доходов, личных или общественных, будут перечисляться в мою пользу. Срок документа желательно не ограничивать. Нет, скорее, я даже назвал бы это обязательным условием.

Прокопенко только покачал головой.

– Станный вы, однако, человек, профессор, – наигранно весело глянул он сначала на своего заметно помрачневшего приятеля, а затем на ученого. – Ваша бумага, точнее то, что вы предлагаете, это нонсенс. Мы заверяем её у нотариуса, и если дело срывается, обязаны платить вам роялти до конца своих дней?

– Ну почему же, – гнул свою линию упрямый француз, – бумага в обмен на часть того, что вы добудете. Ну и потом, какие у меня могут быть еще гарантии, что вы, сорвав куш, просто не исчезнете с горизонта, оставив меня у разбитого корыта?

– А честное слово? – воскликнул молчавший до этого блондин. – Честное слово для вас уже ничего не значит?

– Слово, – Куапель печально покачал головой. – Слово, не заверенное на бумаге, – ничто. Пустой звук. Слово не положишь в депозитарий, не переведешь со счета на счет. Мне нужны гарантии, соглашение, заверенное нотариально.

– Простите, профессор, – Дмитрий вытащил из кармана флешку и бросил ее на стол перед ученым. – Такой поворот событий нас не устраивает. Надумаете поверить на слово, милости прошу, а пока, увы, спешим откланяться.

– Позвонит? – Алексей смотрел на удаляющуюся спину Куапеля.

– Куда он денется. – Дмитрий отмахнулся и отхлебнул уже остывший кофе. – А если и нет, так нам какая забота? Прогорим на предприятии, а потом содержи этого лягушатника полжизни, пока виски не поседеют.

– В одном ты, Дим, лоханулся, – усмехнулся Алексей и, подняв руку, попросил счет.

– Это в чем же?

– Аванс, Дим. Толстый пухлый конверт с евроналичностью. Хитрый французишка унес его с собой.

– Нет, ну каков наглец! – возмущению Солодова не было предела. – Тихоня тихоней, а все туда же, на чужом горбу ехать. Не иначе, про Сколково он тоже подумал, а помощи не предложил. Ну, вот сам посуди, куда логичнее было бы послать в прошлое человека, знающего местное наречие. Ему и пройти проще, и если что спросят каверзное, поймет и ответит без запинки.

Дмитрий, вполуха слушавший товарища, допивал свой кофе из маленькой фарфоровой чашки с растительным орнаментом по ободку.

– Тут ты прав, дружище, – вынырнул он из омута собственных мыслей. – Древний французский нам не потянуть. Общие фразы мы, конечно, в отдельный столбик выпишем, но и только. «Привет», «пока», «как дела» и «сколько стоит». На этом далеко не уедешь.

– С другой стороны, – вдруг хохотнул Алексей, – на кой нам этот мертвый язык? Достаточно будет приличной площадки для наблюдения, да бинокля. Крыши-то в соборе на тот момент не было?

– Не суетись, Леша, и забудь, – вдруг выдал брюнет, отсчитывая мелочь за кофе. – Условия Жана слишком уж жесткие, чтобы вообще впутываться в подобную авантюру. Не получилось с этим золотом, придумаем что-нибудь другое. Мало ли на свете кладов.

Суматошный будничный день давно начался для большинства горожан, заплонивших улицы. Пестрая гомонящая толпа, в которую влились друзья, как только ступили за порог кафе, втянули их в свой водоворот и повлекла, потащила за собой.

С экипировкой друзья авантюристы справились быстро. Парашютные сумки, замаскированные под большие туристические рюкзаки, были изъяты из камер хранения на вокзале Сен-Лазар. Так что теперь они выглядели как самые обычные европейские туристы, решившие посетить столицу мировой моды, ярких красок, запахов и ароматных вин.

Выскачив на станции метро Марсово Поле, друзья тут же увидели творение Эйфеля.

– Веди себя естественно, – зло прошептал Леха своему приятелю, опасливо озиравшемуся на огромное количество охранников и конных полицейских, барражировавших по всему периметру местной достопримечательности.

– Ага, – так же тихо огрызнулся Дмитрий, – попробуй тут быть естественным с таким количеством копов. – Но вздохнул, прикрыл глаза и, весело подмигнув Солодову, зашагал в сторону билетных касс. – Нам третьей категории, – улыбнулся он молоденькой кассирше со смешными, непослушными кудрями, норовившими выбиться из-под косынки. – Те, что на самый верх.

– Наверху холодно, – напомнила девушка, отсчитывая сдачу и протягивая Дмитрию два серых квитка. – Долго находиться на третьем ярусе не рекомендую, можете простудиться. По вашим билетам вы можете присоединиться к экскурсии. Она, кстати, начнется, буквально через десять минут.

Друзья переглянулись и, согласно кивнув, поспешили к пестрой толпе туристов. Обвешанная рюкзаками и поблескивающая объективами фотоаппаратов, она как никто лучше подходила для задумки.

– Добрый день. Я – Поль, ваш гид, и сегодня мы с вами посетим одну из достопримечательностей Парижа, Эйфелеву Башню. – Высокий худой брюнет с восточными чертами лица завладел вниманием собравшихся, призывая к тишине. – Сначала маленький экскурс в прошлое, ну, а потом мы поднимемся наверх. На первый ярус, как я понимаю, проход есть у всех?

Толпа утвердительно загудела, подтверждая догадку гида.

– А на второй? – поинтересовался Поль.

На этот раз рук было существенно меньше, и, тем не менее, как минимум дюжина.

– А на третий? – Руки подняли всего четверо туристов, среди которых, разумеется, были и наши авантюристы. – Ну и замечательно, – улыбнулся гид. – Данный шедевр мировой архитектуры вызывает у местного населения двоякое чувство. Одни боготворят его, другие проклинают и требуют убрать с поля как уродующий город никчемный арт-объект, но каждый год тысячи туристов неизменно поднимаются на башню, чтобы с высоты птичьего полета взглянуть на прекрасный Париж, столицу Французской республики.

Самая узнаваемая в мире архитектурная достопримечательность была построена в конце девятнадцатого века, а именно в тысяча восемьсот восемьдесят девятом году и названа в честь своего архитектора. Как ни странно, но одним из инициаторов строительства стала парижская администрация, решившая устроить всемирную выставку в честь столетия революции, она и запросила у Густава Эйфеля проект...

– Слушаю уже третий раз, – поморщился Алексей. Пошарив рукой в бездонных карманах парашютных брюк, он вытащил оттуда банку лимонада и щелкнул жестяным кольцом. – Будешь?

– Увольте, – отмахнулся Прокопенко. – Не по себе мне как-то. Когда мы были в прошлый раз, полицейских было гораздо меньше.

– Ну, меньше, ну и что? – Солодов, запрокинув голову, сделал солидный глоток фруктовой газировки. – Они же все внизу, греются на солнышке и берегут общественный порядок. До верха еще добраться надо.

– К аресту готов? – ехидно поинтересовался Прокопенко у приятеля. Но тот, не отрываясь от банки, только пожал плечами.

Подвесная система парашюта – это вам не фунт изюму. Черда лямок, затяжек и ремешков делает парашютиста похожим на опереточного комика из постапокалиптической фантазии, лишает возможности двигаться хоть как-то изящно и легко. Сам же парашют, а точнее два – ноша тоже не из легких. Здоровенный рюкзак на спине скрывает основной купол и маленькую юркую стабилку, чьим единственным предназначением служит возможность выровнять парашютиста горизонтально земле.

Шумный и многолюдный ресторан внизу замер, все его посетители не без интереса следили за парочкой, быстро облачающей друг друга в подвесную. Вот уже загрохотали ступеньки под тяжелыми шагами охраны. С двух сторон по тонким мосткам, появившимся тут относительно недавно, в сторону друзей рвануло сразу с полдюжину полицейских и местных секьюрити, крича и размахивая руками.

Дмитрий весело подмигнул приятелю и, разбежавшись, перескочил через тонкие стальные поручни смотровой площадки. Солодов немного задержался, крикнул что-то сумбурное, подпрыгнул и, юркнув вслед за первым, уже раскрывшимся куполом, захохотал.

Рев пронзительного холодного ветра в ушах скрадывали меховые наушники, закрепленные на подбородке тонким кожаным ремешком. Времени для раздумий не было, боковой ветер грозил завалить купол набок и потащить на жилые постройки, если Алексей вдруг решит рвануть кольцо раньше. Раз – правая рука, зажавшая в кулаке кольцо, резко уходит вниз, и Леха вслед за Дмитрием взмывает в воздух, горланя «Интернационал».

Эйфория и сопровождающий её выброс адреналина продолжались недолго. Уже на полете к земле Солодов с усмешкой любовался на приземлившегося в руки полицейских Прокопенко. Надо отдать должное местным органам правопорядка, производить арест они начали только после того, как оба нарушителя приземлились и, отстегнув парашюты, убрали их в сумки.

– Вы арестованы, месье, – пробурчал невысокий усатый сержант с орлиным носом, зашелкивая на запястьях Дмитрия стальные браслеты. – Сейчас вы проследуете в участок, где с вас снимут показания и решат вашу дальнейшую судьбу. Предупреждаю вас об ответственности

за дачу ложных показаний. Так же вы имеете право на молчание. Все, что вы скажете, может быть использовано против вас в суде. Вы также имеете право на один телефонный звонок и адвоката. Если у вас нет своего, он будет вам назначен в ходе следствия.

– Ага, – хохотнул Леха, слушая, как у него за спиной смыкаются стальные кольца. – А один звонок на всех или каждый может сделать по звонку отдельно?

– Это ваше право, месье, – пожал плечами суровый сержант, подталкивая авантюристов к сверкающей проблесковыми маячками патрульной машине.

– Замечательно, – улыбнулся Солодов и, перейдя на-русский, зачастил: – Димка, действуем по плану. Когда доедем до участка, звонишь в посольство и ни черта не говоришь, пока не прибудет российский посол. Он, небось, нас уже заждался. – Вялая улыбка приятеля подтвердила, что шутку он оценил.

Под улюлюканье толпы друзья погрузились на заднее сиденье полицейского «Ситроена», отделенное от наряда пуленепробиваемым стеклом. Дмитрий был хмур и задумчив, в то время как Солодов радостно кивал головой окружающим, позировал перед камерами и попытался даже достать из кармана маленький флажок России, но руки, скованные за спиной, не позволили извлечь крохотный триколор из нагрудного кармана куртки, тем не менее авантюрист весело размахивал скованными руками под вспышками бесчисленных фотокамер.

– Не горюй, Димка, – хохотнул он, ничуть не смутившись неудаче. – Суток не пройдет, а нас уже выпустят из этого балагана.

– А заодно депортируют и закроют визу, – грустно откликнулся Прокопенко.

– Ну и что? – не переставал веселиться все еще непонимающий Леха.

Брюнет вплотную придвинулся к своему приятелю.

– Ты чего? – Скосил тот глаза, но Прокопенко уже вытаскивал сотовый, на экране которого была всего одна фраза.

«Согласен на ваши условия. Куапель»

– Сколково, – вновь перейдя с французского на русский, напомнил Прокопенко. – Золото крестового похода, Нотр-Дам-де-Пари. Если все пройдет успешно, то нам вновь придется посетить Францию. Но вот как, я решительно не представляю. Уступать финал еще не состоявшейся операции профессору у меня нет желания. Не доверяю я ему. Людей нанимать тоже смысла не вижу, угрожаем гору денег и останемся у разбитого корыта.

– Согласился-таки, – Леха подмигнул напарнику и прошептал ему на ухо: – Это совсем другой резон выходит. Дело еще сделать надо, а уж как вновь попасть на эту землю, я позабочусь.

– Уверен? – Дмитрий недоверчиво покосился на приятеля.

– Более чем.

– Но как некстати, – Дмитрий с тоской посмотрел на решетку, разделяющую патрульную машину пополам. – Ну что стоило этому придурку согласиться на пол часа раньше?

Трое суток друзья провели в одном из полицейских участков Парижа. Бесконечная череда допросов, выдвижение обвинений и колоссальный штраф в размере пятидесяти тысяч евро с каждого были не последним наказанием для российских туристов. Заключительным этапом экзекуции стала их торжественная депортация за счет государства.

– Летим, – Леха в последний раз окинул взглядом колоссальный комплекс де Голя, откуда им с Дмитрием предстояло улететь в далекую и родную Россию.

– Летим, – кивнул Прокопенко, неприязненно поглядывая на полицейский наряд, стоящий позади. – Эконом-класс, кстати.

– Спасибо, что не в багажном отделении. Я позвонил французу.

– И что он сказал?

– Вышлет материалы по электронной почте. Кстати, он такого же мнения о нашем поступке, как и вся цивилизованная общественность.

– Это какого?

– Восхищается и порицает одновременно. Как мужчина, хвалит и говорит, что прыжок был хоть и безрассудный, но эффектный. Как гражданин, ... – Солодов на секунду замялся, – ... как гражданин шлет нам массу нелестных эпитетов, но от договора не отказывается.

– Значит, договорились?

– Еще как. Деньги-то светят немалые, а рискуем только мы с тобой. Ушлый профессор и палец о палец не ударит, чтобы нам жизнь облегчить.

Вторая карета прибыла к входу в трактир к полудню. Сопровождаемая десятком хмурых, широкоплечих воинов, от чьего взгляда прохожих пробивал озноб, она подкатила к самому порогу, и на ступеньках появился крепкий рыжебородый старик в плаще зеленого бархата.

Солдаты спешили и, окружив сюзерена плотным стальным кольцом, гремя доспехами и оружием, выстроили живой коридор, по которому вновь прибывший степенно проследовал под крышу временного убежища. Пройдя внутрь натопленного помещения, он сбросил отсыревший в дороге плащ и, широко улыбаясь, пошел навстречу епископу.

– Ваше Преосвященство, ну вы и выдумщик. Пока мои парни искали эту богом забытую деревеньку, у меня закончились все запасы вина.

Епископ и король заключили друг друга в объятия, после чего его преосвященство поспешил предложить германцу место около огня.

– Ваше Величество, не изволите ли присесть у камина? Как только прибудет третий участник нашего мероприятия, мы тут же начнем. Что с вашими людьми? Не лучше ли пригласить их в дом?

– Пусть побудут снаружи, – отмахнулся рыжебородый и, пододвинув кресло к каминной решетке, уселся напротив пляшущих на поленьях языков пламени. – Они воины, гвардия, лучшие из лучших, и сами прекрасно знают, что им делать. К тому же ваши гильдийцы, – Фридрих Первый, а это был именно он, кивнул в сторону расположившихся по периметру зала кожаных плащей, – заняли все свободное пространство.

– Безопасность, – поморщился епископ Парижский и уселся в свободное кресло. – Тайна мероприятия важна более чем, а эти парни как нельзя лучше умеют устраивать тайные встречи. Ну, а как дела у разлюбезной Европы?

– Пока спокойна и надменна, – король закинул ноги на ограждение камина и, приняв из рук слуги бокал с вином, посмотрел сквозь него на де Сюлли. – Отрывочные сведения из Иерусалимского княжества еще не взбудоражили этих упрямых ослов, но, клянусь собственной бородой, вскоре мир забурлит и встанет на дыбы.

Королева Милисенда Иерусалимская слаба и не ориентируется в ситуации. Местный епископ настолько порочен, что, не стесняясь общественного порицания, живет с любовницей, на которую тратит государственную казну.

– А что же знать? – покачал головой Морис де Сюлли.

– Там еще хуже. – Так и не пригубив вина, Фридрих отставил бокал в сторону и устремил взгляд на огонь. – Грабежи, насилие, эти остолопы делают все возможное, чтобы возбудить ненависть в сердцах простых людей, а Нуреддин не дремлет. Более того, на сцене появляется еще одна хитрая и изворотливая фигура, беспокоящая меня все больше и больше.

– И кто же это, Ваше Величество?

– Некий Саладин, один из местных лидеров. Крепок телом, остер умом, превосходный политик и дипломат. Нуреддин стар, а сыновья его погрязли в роскоши и разврате. Их поступки мотивированы жадностью, а не здравым смыслом. Саладин же только и ждет момента, когда сможет предъявить свои права. Даю вам сотню к одному, что если дела и дальше будут проис-

текать именно так, как сейчас, через пятнадцать-двадцать лет дадский халифат соединится с египетским и выбьет крестоносцев со Святой земли.

– Грядет новый крестовый поход, Фридрих?

– Да, Морис. Много славных воинов поляжет на полях сражений, умерев по глупости военачальников, но не за крест и стяг. И знаете почему?

– Догадываюсь, – де Сюлли пригубил вино. – Основные силы, которые Святой Престол может призвать к походу, стоят под знаменами идиотов. Кто будет через пятнадцать лет королем Франции после Людовика Седьмого? Филипп Второй – сноб и бездарность. На английский же трон прочат Ричарда, сына Генриха Второго. Ричард воин, но не стратег. Он может идти в строю, рубить врагов во имя Святого Престола, но командовать отрядами, и уж тем более армией ему не дано. Любой мальчишка смекалистей Анжуйского в разы.

– И кто же сможет противостоять неверным?

– Вы, Ваше Величество.

Фридрих покачал головой и густо, басовито закашлялся в кулак.

– Я слишком стар для этого, мой друг, – откашлявшись, молвил он. – Мой ум уже не столь остер, рука не столь верна. Все мои друзья и соратники, видя увядание на моем челе, выйдут из игры. Сейчас мои позиции крепки, но что будет через десять лет? Скажите мне, Морис?

Дверь в просторный зал вновь отворилась, и на пороге появился третий участник встречи. Серые безмолвные тени в сутанах заскользили вокруг него, не давая ни малейшего шанса опасной случайности. Закованные в железо кавалеристы при входе приосанились, и даже гильдийцы, зябко кутавшиеся до этого в свои кожаные черные плащи, склонились в почтении.

– Мой старый враг, – встав с кресла рыжебородый прошествовал на встречу вошедшему, и встал перед ним скрестив руки на груди. – Скажи мне кто-нибудь что я, король Германии Фридрих, начну ручкаться с Римско-Католической церковью, я бы посадил его на кол.

– Поражение от Ломбардской лиги все еще не дает вам покоя, смутян, – тихо прошипел вошедший.

В зале повисло неловкое молчание. Языки пламени плясали на трещащих и выбрасывающих снопы искр поленьях, половицы под ногами монахов, окруживших Папу, синхронно скрипнули. Бойцы приготовились защищать и убивать, и только окрик наследника Престола Святого Петра удержал их от атаки.

– Ваше Высоко Преосвященство, Ваше Величество, – подскочил к Папе до этого стоявший в стороне епископ. – Разве вы забыли, дело наше настолько богоугодно, что мы обязаны забыть о прошлых распрях и территориальных претензиях.

– Вы правы, мой друг, – Папа Александр Третий одобрительно кивнул. – Оставим недомолвки и вражду. Грядет война, самая бесславная для всего европейского сообщества. Война, несущая только позор и разрушение, война, способная положить конец присутствию крестоносцев на востоке. Предотвратить ее способен только Всевышний, а вот позаботиться о последствиях мы можем заранее. Вы согласны с моими словами, Фридрих?

– Да, – подтвердил германец. – Именно потому я здесь, а не стою с войсками под стенами своих исконных городов.

– Фридрих, – прошептал епископ, наклоняясь к уху строптивного монарха, – оставьте боевой запал для поля брани. Сейчас нам нужны лишь острый ум и здравый расчет.

Загородный домик Солодова в тридцати километрах от Питера решено было использовать в качестве базы. Завезя туда немыслимое количество продуктов и электроники, друзья принялись за подготовку.

– Прежде всего – план, – Дмитрий неодобрительно поглядел на развалившегося на диване Алексея. – Детальный, скрупулезный, в котором предусмотрены все возможные повороты событий. Давай, Леха, излагай, что накопал.

– Тебе реальный поворот? – полюбопытствовал Солодов с мягких подушек.

– Да.

– Стройка. – Поднявшись с дивана, Леха прошлепал босыми ногами к окну и приоткрыл форточку. – Строили Париж римляне, так что архитектура, главенствовавшая в ту пору, была исключительно римской. Постоянное строительство, возведение фортификационных сооружений и чертова уйма торговых кораблей.

С другой стороны, Париж двенадцатого века – это центр европейского образования. По большей части, конечно, с сильным религиозным уклоном, но от этого не менее хорошего. Рабочие, торговцы, плотники, столяры, студенты. Затеряться в такой толпе легче легкого.

– А рост? – ехидно поинтересовался Прокопенко у приятеля. – Не задумывался, почему в Сколково, хоть и за немалую цену, берутся тебя экипировать согласно эпохе?

– Думаю, денег срубить хотят, – обиженно хмыкнул Алексей.

– А вот и нет, – отойдя от маркерной доски, Дмитрий принялся ходить по комнате, скрестив руки на груди. – Все прошедшие столетия человечество росло не только духовно и морально, но и физически. Попади ты, скажем, в древний Рим, то покажешься тамошним жителям великаном. Во Франции конца двенадцатого века ты со своей белой шевелюрой и гвардейским ростом так вообще будешь выделяться из толпы, как бы ни маскировался.

– Так что же они? – удивленно покачал головой Леха. – Карлики?

– Не карлики, а низкорослые, – пояснил Прокопенко. – По меркам двадцать первого века – уж точно. Сколковские спецы потому и выдают экипировку всем желающим богатеям. Попади ты в темные века, и останешься гол и бос. Ботинки слишком малы, рубище узко, доспех и вовсе нереально надеть.

– Ясно. Придется в очередной раз раскошелиться. Мне продолжать?

– Валий. – Заняв освободившийся диван, Дмитрий закинул ноги на журнальный столик.

– Население Парижа в тот момент составляет от пятидесяти до ста тысяч человек. Помои и испражнения выливают из окон прямо на улицу, не особо заботясь о санитарных условиях. Крысы, тараканы и вши.

– Жесть. – Дмитрий брезгливо поморщился и скосил глаза на экран лэптопа. – Слава богу, что нам не придется пробыть в этом зачумленном мире слишком долго. В присланном французской профессурой файле есть дата, которая нам нужна.

– Пришло? – Алексей бросился к компьютеру и, развернув его в свою сторону, начал вглядываться в текст.

– Вчера ночью. – Прокопенко похлопал друга по плечу и, отобрав ноутбук, отложил его в сторону. – Самое интересное во всей этой затее – даже не золото, а единство противоположностей. Заклятые враги, сошедшиеся в едином порыве ради святой цели. Святой целью они, кстати, называли выкуп знатных рыцарей, выплаты компенсаций знатым семьям и восстановление дорог и строений, которые в походе могут пострадать от воинства крестоносцев.

– Он точно определил дату?

– Дату, время и место. Считаю, полдела сделано, и свиток, указывающий на несметные богатства у нас в руках. Год идеально соответствует задумке, строительство собора только началось, и внимательному наблюдателю ничего не стоит вычислить место закладки. Возьмем приличный армейский бинокль, залезем на ближайшую крышу и посмотрим, где святоши делают тайник.

– А почему бы свиток не выкрасть по факту? – резонно предложил Алексей. – Вместо того чтобы впрягаться в историю с левыми визами и поддельными паспортами, мы просто привезем сувенир из прошлого.

– Крайне сложно. Во-первых, придется пройти три кольца охраны. Епископа охраняют бойцы гильдии убийц, некоей непонятной организации с дурной славой и замашками голово-

резов. Вторая цепь охраны будет состоять из кирасиров, личной гвардии короля Германии, мимо них тоже муха не проскочит. А третья...

– Есть и третья? – поразился блондин.

– К сожалению, да. Третья преграда – это орден боевых монахов. Наподобие Шаолиня, только без их выкрутасов и позерства. Холодные боевые машины, братство хранителей престола Святого Петра, замененное впоследствии не столь радикальными швейцарскими гвардейцами.

– А если вернуться потом и забрать свиток тогда, когда на площадке останутся одни рабочие?

– Цена. – Дмитрий вытащил финансовые документы из общей кипы бумаг и принялся перелистывать страницы. – Нам нужна максимальная точность, а это требует больших денег. Один раз мы слетаем и выясним, где лежит документ. Если времени на ожидание хватит, то – пожалуйста, сколько угодно. Ну а если нет? Снова листать зеленые? Нет, проще потом окольными путями пробираться в современный Париж и разбираться на месте.

– Каковы наши капиталы на данный момент? – отмахнувшись от последних слов Прокопенко, поинтересовался блондин.

– Ну... – Прокопенко помедлил с ответом, листая бухгалтерию. – Если продать все движимое и недвижимое имущество, наши квартиры, эту дачу, оба автомобиля и яхту, то, с учетом имеющихся на счетах средств, выйдет чуть больше полутора миллионов.

– Офигеть, – Солодов расплылся в блаженной улыбке. – Никогда бы не подумал что мы такие богатые.

– И я не думал, – горько улыбнулся Дмитрий. – Ты, надеюсь, понимаешь, что все это, доставшееся нам кровью и потом, может уйти с молотка. Иногда я даже сомневаюсь, разумно ли это. Цены на хронопутешествия в Сколково тоже не особо вдохновляют. На каждое мероприятие требуется минимум миллион. Поскольку поездка в прошлое предстоит не одна, придется продать и твою серферскую школу в Египте. Мое предприятие по производству альпинистского снаряжения, как это ни печально, тоже уйдет с молотка. Благо покупатели найдутся быстро.

– Откуда такие цифры? – осторожно поинтересовался Алексей. – Не проще ли выбрать более приемлемый по деньгам тариф? Наши с тобой фирмы – это чистой воды подстраховка, пенсионный фонд и крепкий тыл.

Дмитрий молча протянул приятелю рекламный буклет.

– Нам нужно точное попадание. Переброска даже в самом дорогом варианте не гарантирует того, что хронотурист окажется в нужном месте в нужное время.

Простой тариф, по факту самый дешевый, дает клиенту ровно час и запускает его в любую точку времени и пространства. Стоит он штуку и нам не подходит. Второй вариант дает шесть часов и сто лет в большую или меньшую сторону, и только максимальный тариф может дать результат. Погрешность состоит в шестидесяти минутах в любую сторону, и разброс будет не более чем в километр.

Алексей нервно заходил по комнате.

– Почему минимум? Не лучше ли взять по часу?

– Потому! Попытка засесть на крыше с биноклем может потерпеть крах. Любой из нас может просто поскользнуться на луже ослиной мочи и пробить себе голову или сломать ногу. Сразу закладываем два захода и амуницию согласно эпохе. Так просто никто ничего пронести не позволит. За все надо платить. В сухом остатке два с половиной миллиона.

– А гарантии?

– Пятьдесят на пятьдесят. Мы можем дважды потерпеть крах и вернуться ни с чем. Бумага, которую подсунул нам Куапель, может оказаться провокацией или подделкой. Любой

из нас может погибнуть, попав под копыта лошади или нарвавшись на кинжал бандита, и все это ради идеи найти мифический свиток, ведущий, возможно, к несуществующим богатствам.

– И что же нам теперь делать?

– Да я и сам пока толком не знаю. Денег в данный момент вроде много, но все они, в основном, не в активах, а в недвижимости и материальных благах, которые каждый натаскал к себе в норку. Один твой борд стоит порядка тридцати кусков, та же яхта, что в доках, смело потянет на полтора миллиона. Но только ими не рассчитаешься по закладным и не предъявишь в качестве налоговых выплат. Реально мы можем распоряжаться суммой в пределах семисот тысяч, но, исходя из наших аппетитов, они закончатся примерно через три года. Живыми деньгами на данный момент у нас тысяч тридцать, из тех, что на кредитных картах и в сейфе твоей питерской квартиры.

– Тебя послушать, – поморщился Алексей, – мы можем лишиться абсолютно всего, но если посмотреть на это под другим углом, то в случае успеха операции мы навсегда забудем о финансовых трудностях и сможем жить в свое удовольствие?

– В точку, – уверенно кивнул Дмитрий.

В комнате повисло молчание. Каждый из приятелей-авантюристов думал о чем-то своем и не спешил делиться соображениями вслух.

– Давай так, – наконец предложил Солодов. – Всю нашу сознательную жизнь мы шли на риск, и удача следовала за нами по пятам. Если она от нас отвернулась, то мы рано или поздно прогорим на аванюре или предприятии, похожем на это. Что у нас останется тогда? Сожаление об упущенном моменте? Терзания от того, что если бы не спасовали, все бы вышло совсем по-другому?

– Конкретнее.

– Подбросим монетку. Если выпадет орел, то мы в деле. Если решка, значит, судьба против, и мы отказываемся от задумки.

– Валяй, – вдруг воодушевился Прокопенко. – Нет ничего лучше, чем доверять свою судьбу копеечному кругляшу.

Леха порылся в карманах брюк и, вытащив десятирублевик, подкинул его на ладони.

– Ну что там? – Дмитрий встал с дивана и, вприпрыжку подбежав к блондину, схватил того за плечо. – Не томи.

Кулак Солодова разжался.

– Эх, – вздохнул Алексей. – А я уже начал привыкать к своей новой четырехкомнатной квартире.

Продать квартиры быстро не получилось, так же как и яхту. Покупатели на столь дорогостоящие штуки находились крайне неохотно, торговались, делали большие глаза и пытались сбить цену. С автомобилями вышло проще, но и тут был риск нагреть себя на деньги. Обе фирмы, принадлежащие будущим хронотуристам, были перекуплены прямыми конкурентами, немало обрадовавшимися внезапному решению бывших владельцев. Но все равно требовалось еще оформить массу бумаг, подписать кучу официальных требований, прошений и уведомлений. Так, день за днем, секунда за секундой, убегало драгоценное время.

– Нас могут опередить, – Алексей нервно барабанил пальцами по торпеде автомобиля.

Дмитрий молча вел машину, пробиваясь по суматошному трафику шоссе Санкт-Петербург – Москва и, вполуха слушая приятеля, вновь и вновь выстраивал четкий план действий.

Что требовалось от хронотуриста при попадании в прошлое? Маскировка, антураж, возможность скрыть рост, здоровый цвет лица и результаты современной стоматологической индустрии. Появись на площади Парижа двенадцатого века Прокопенко или тот же Солодов, двухметровый блондинистый детина с квадратной челюстью и ослепительной улыбкой на все

тридцать два зуба, любое из колец охраны монарха, папы или епископа задергается. Слишком уж инороден будет хронопутешественник в этой серой, измученной и грязной толпе.

– А что если нам придется общаться? – наконец озвучил он мысль, которая не давала ему покоя последние дни. – Ты подойдешь, тебя спросят, и что дальше? Фиаско, провал. Если на костре не сожгут, то за шпиона примут.

– Нас могут опередить, – вновь жалобно повторил Солодов. – Придется общаться – пообщаемся. Всегда можно прикинуться больным, немым или умственно отсталым. Мычи себе да слюну пускай, прокатит. Но если наш вариант уже играет другая команда, узнаем мы об этом в самом финале.

– Не могут нас опередить, Леха. Тут слишком много обстоятельств, играющих нам на руку.

– Например? – заинтересовался Солодов.

– Нужно быть в теме, Леша. Немного истории, чуть везения и куча денег. Все это в сумме дает мне право говорить, что никто против нас не копает. Попробуй, найди еще двух таких придурков, как мы, способных бросить на кон четыре миллиона ради идеи, которая может и не сработать.

– Но какой идеи! – Алексей блаженно зажмурился и откинулся на спинку сиденья. – Это же мечта, братишка. Батистовые портянки, крем Марго, новые вставные зубы и тонна кефира.

– Дурак, – отмахнулся Прокопенко. – Те парни плохо кончили.

– Какие те?

– Ну, те, кого ты цитируешь. Один умер от сердечного приступа, второй почти с ума сошел и остался на мели, а третьему перерезали горло опасной бритвой. Не цитируй больше Ильфа и Петрова. Удачу отпугнешь.

– Удача, удача, везде и всюду удача. – Закрыв стекло, Алексей поднял воротник и, зябко пожившись, щелкнул вытертым от времени выключателем печки. – А ты не думал, что это наша судьба?

– Судьба? – Дмитрий прищурился и устало потер переносицу. – Судьба – дама коварная и изменчивая. В своих предприятиях я в первую очередь уповаю на точный расчет. Просчитываю каждый из вариантов развития событий.

Через полчаса внедорожник притормозил на обочине, и друзья, поменявшись местами, вновь устремились по тонкой серой полоске асфальте.

– Деньги при тебе? – сонно поинтересовался Дмитрий, его начинало укачивать.

– А то! Все, что есть сейчас на моем пластике.

– Кто первый пойдет, ты или я?

– Не знаю. – Леха моргнул дальним светом выскочившему с проселка грузовику и пожал плечами. – Тебе принципиально?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.